

Переводы для «Вертикали. XXI век»

Душица
МИЛАНОВИЧ
МАРИКА

Белград, Сербия

Душица Миланович Марика родилась в Сокобане. Окончила отделение сербской литературы и языка на филологическом факультете. Автор романа «Дукат и дикая польнь» и целого ряда книг, вышедших под псевдонимом Стевана Сремак. Обладатель многих литературных премий и наград. Член Ассоциации писателей Сербии и Ассоциации литературных переводчиков Сербии. Дважды ее рассказы публиковались в журнале «Вертикаль. XXI век». Живет в Белграде.

ЗОВ ИЗ КАМНЯ

1.

Елка ложится на землю, прижимает к ней ухо и слушает. Она не шевелится, глазами не моргает; если бы кто-нибудь сейчас ее увидел, то подумал, что она мертва, не дышит. Полежав так немного, Елка встает, отряхивает белую одежду, которая безупречно чиста, поправляет рукой светлые вьющиеся волосы, покрытые шарфом, — они порыжели на полуденном солнце, — и направляется домой.

Мать первой замечает ее на подходе к дому, машет Елке в знак приветствия и продолжает начатое дело; хотя это было лишь взглядом в далекие края, от которых она давно больше ничего не ожидала.

Она не знала своего отца.

У Елки был муж, который после нескольких лет совместной жизни однажды утром, положив по обыкновению в карман губную гармошку, пошел зарабатывать деньги. После этого так и не вернулся. До жены доходили слухи, что видели мужа то в одном месте, то в другом, но ей было все равно. Муж никогда ее не понимал, говорил, что она странная. В какой-то момент Елке стало казаться, что муж ее боится. Он отворачивался от голубой глубины ее глаз, чтобы в них не видеть отражение своих мыслей.

Ну и пусть идет туда, где ему лучше. Мать Елки, Калина, через порог своим благословением обвенчала их без крестного отца и священника.

У нее не было детей. В доме жила еще одна девушка, которая могла быть ее сестрой или дочерью, хотя не была ни тем, ни другим. Сирота, которую Калина откуда-то привела в дом и теперь относилась к ней, как к своей дочери. Поначалу слабое дитя в итоге выросла в миниатюрную девочку, стройную, но с полной грудью и сильными плечами. Достаточно украшенная юностью, сирота оказалась одарена гармоничными движениями, густыми волосами и сладким голосом.

Самыми красивыми в ее фигуре были ноги. Когда Калина впервые привела девочку, то вместо обуви обмотала ее ноги кусками домотканной материи. Когда сирота подросла, то сама стала обматывать ноги тканью, так что теперь, будучи взрослой девушкой, она оставляла на снегу сказочные следы — ходила так, будто ступала по облакам. Звали ее Милева, а Елка из милосердия начала называть Милицей. Так она и стала для всех Милицей.

Милица всегда встречала Елку, когда видела ее приближающейся к дому, наливала воды для умывания, ухаживала за ней, а вечером с доверчивой улыбкой клала ей на колени голову и подавала расческу. Елка долго и осторожно расчесывала темные волосы девушки. Закончив, вплела в косичку принесенные с поля или из леса травы от чар, от стра-

ха, от неожиданной болезни, от неразделенной любви. Травы, чья сила отражает судьбу, были ароматнее девичьих волос.

Елка — травница, как и ее мать. Она умела слушать землю и камни, понимала язык воды, а когда нужно, могла разговаривать с огнем.

Кто этому верил, кто нет, но все боялись их чар.

* * *

Над Преконогской пещерой*, на самом краю ущелья, находятся руины средневекового города. Видны очертания башен и вала, переживших века. Этот город, согласно достоверной истории и преданиям, никто и никогда не мог завоевать. Как и прежде, к нему сегодня ведет узкая тропа. Тянется она по краю пропасти, по которой желающие могут подойти к городу, осторожно следуя один за другим.

Существуют противоречивые истории о времени создания города и судьбе его основателя. В одной из них говорится, что дворянин, недовольный местом за общим столом, к тому же обиженный, что после совместной охоты барин наградил его как слугу золотой монетой, сбежал от Драгутина, с которым вырос как самый близкий человек, и присоединился к своему брату Милютину. Драгутин, сын которого Владислав выступал соперником Карла Роберта в борьбе за венгерский престол, поддерживал сына, настроил против него венгерского короля.

Король Милютин, которому понравился такой поворот событий, женил беглого дворянина на венгерской дворянке и помог построить крепость.

Говорят, над зданием с момента его закладки висело Драгутиново проклятие: в нем прекратится род того, кто был ему ближе, чем брат, но из-за одного оскорбления предал, заключив союз с врагом, и потому построенная крепость останется не жилой, превратится в руины.

Когда Калина девочкой жила в отцовском доме, то начала замечать свой живот. Отец однажды вечером, не сказав ни слова, показал ей на дверь. Калине некуда было идти. Проситься жить к родственникам, быть для них обузой она не хотела. А тот, чей ребенок находился в её утробе, только что женился на другой.

Девочка направилась в старый город. Взволнованно прошла мимо места под названием «Девичий прыжок» — подобно крыше нависало оно над пропастью, на дне которой протекала река. Всякий раз, когда ветер дул сильнее обычного, из этого места доносился протяжный мучительный вопль. Все началось с тех пор, когда одна из матерей, увлекавшаяся турком, не нашла выхода из этого тупика.

Вопреки желанию, Калина не позволила себе заглянуть в пропасть, не говоря уже о том, чтобы спуститься в нее, а это в прошлом делали многие женщины. Будучи преисполнена решимости выстоять, выжить, она попыталась забыть о печали, которая тяжело сдавливала сердце.

Девушка направилась к руинам. Гордость не позволяла ей просить помощи, она видела, что все отвернулось от нее.

Ночь Калина провела меж каменных стен, опасаясь змей, с древних времен поселившихся в разрушенной крепости. Но ни что не шевелилось у ног, указывающее на присутствие змей. Когда же все вокруг нее зашумело, она подумала, что спит. Снилось ей это или нет — Калина никогда не рассказывала о том, что произошло той ночью среди руин.

Утром небольшая хижина, больше похожая на временное убежище, чем на дом, была почти целиком построена из разбросанных камней и одной нижней сплошной стены. А над развалинами от рассвета до заката летал, кружил огромный белый орел, привлекая внимание жителей из самых дальних сельских домов. Распростертые крылья бросали тень на только что начатую строиться избушку. Тень показывала то, что скрыто от глаз людей из-за дали и высоты парящей в небе птицы: у орла было две головы.

* Преконогская пещера — пещера в восточной Сербии, недалеко от села Преконога.

В деревне гадали, видя, что на скале ставится под крышу новое жилище: что же помогает Калине? И хотя ночью бездельники зорко следили, они так и не увидели, чтобы кто-нибудь взбирался в сторону руин. На третий день изба была достроена, и Калина осталась жить недалеко от деревни.

Через несколько дней мать стала, не таясь, навещать дочь, вопреки неодобрению мужа и жителей деревни. Она приносила еду и другие предметы первой необходимости, чтобы, пока Калина была беременна, избавить ее от нищеты.

Родилась Елка, отец сделал дочери выговор за непослушание и разрешил вернуться домой с ребенком. Калина послушно пришла, принесла дочь в родительский дом, чтобы попросить для нее благословения, поцеловала руку отца, получила прощение и после этого вновь вернулась в хижину.

В первый день весны Калина раскопала снег рядом с руинами, посадила сад. В деревне немного поворчали на занятую часть общей земли, но поскольку возле пропасти даже скотину не пасли и сад никому не мешал, оставили девушку в покое.

Только не простили, что отец новорожденной девочки остался неизвестен, а ребенок не крещен. Калина не хотела склонить голову перед деревней и, как того требует закон, крестить ребенка, зачатого в грехе, поскольку она была отлучена за этот грех. На все уговоры матери девушка только махала рукой, не говоря ни слова. Поэтому, когда Елка подросла, то была совсем не готова к крещению — люди в деревне от нее сторонились, опасаясь, что их парни могут быть без ума от этой девчонки. Она некрещеная, а кто будет приводить в дом некрещеных детей?

Елка подросла, когда Калина откуда-то привела Милеву. Кроме ее имени и того, что ее родная мать родила двух дочерей, она о ней больше ничего не сказала. Как-то разнесся слух, что Милева тоже некрещеная. Мол, ее отца убили в пьяной драке, он не успел жениться на ее матери, и та от пережитой боли сошла с ума, бросила ребенка, бродит по дорогам. До сих пор никто не знает где она. А Елка, говорят, пожалела чужие страдания из-за своей беды.

Как бы то ни было, Милева стала Милицей и осталась с ними.

Если кто-то, будь то мужчина из деревни или какая-то тень из темных уголков развалин, помогал Калине на протяжении всех этих лет, то да — это было так. Но кто именно, никто не мог понять. Калина по природе неразговорчивая, поэтому, когда спрашивали, она молчала и закрывала глаза. Так что люди подозревали, что она заключила союз с темной силой. Женщина никогда ни к кому не обращалась за помощью, как будто у нее всегда всего хватало. Неохотно впускала в дверь редких посетителей. К ней почти никто не приходил, кроме матери. И по спокойному выражению лица, поведению ее матери в деревне сделали вывод, что Калина там, наверху, хоть и отделена от мира, но не может быть плохой.

Молодая, бойкая Калина имела дурную репутацию девушки, не хранящей свою честь, живущей с ребенком. Несколько мужчин из села попытались навестить ее ночью, но были выставлены прочь с громким хохотом хозяйки дома, с упоминанием полного их имени и имени их отцов, которые слышались далеко в ночной тишине.

Поначалу женщины боялись ее красоты, и поэтому насмешливо рассказывали друг другу о ночных происшествиях, предупреждая своих мужей. Один из них, вернувшись домой из неудачного похода мокрым, нашел дверь запертой, и спал в сарае, став на следующий день покладистым как маковое зернышко.

Все оставили девушку в покое, и та была спокойна и довольна, словно жила в замке, а не в каменной хижине. Ни Калину, ни впоследствии Елку мало озаботило то, что за их спиной упоминали нечистую силу, называли их ведьмами, хотя своими знаниями и травами они помогали каждому, кто приходил к их порогу с бедой или просьбой.

Невзрачная на вид, не слишком красивая, но молодая и здоровая, Елка легко могла бы выйти замуж, если бы не отметка греха матери и то, как они жили. В народе считалось, что она навсегда останется с матерью, будет собирать травы на горе, однако Елка нашла мужа, когда многие считали ее еще незрелой девушкой.

Через их местность проходил странствующий музыкант, в сумке которого лежала губная гармошка вместе с несколькими шарами и красочными коробочками. Музыкант давал концерты в деревнях. Он надвинул неряшливую шляпу на улыбку пройдохи, прикрывая правое ухо, которое от рождения было вдвое меньше левого. Однако хорошо слышал обоими, потому последовал зову, приведшему его к девушке.

Деревня не приняла странствующего бездельника и мамипара**, поэтому он искал место для ночлега в каменной хижине. Теплый ужин и удобная постель, Елка, чьи красные щеки, казалось, вот-вот лопнут от здоровья, и чьи глаза жгли его с тех пор, как он вошел в жилище, оказались страннику гораздо привлекательнее, чем пустыри и пыльные дороги. Он надолго остался. Потом в деревне рассказывали, что знахарки заколдовали музыканта, держали у себя против его воли.

Елка прекрасно знала, что о ней говорят в деревне, а потому решила воспользоваться первой и, пожалуй, единственной возможностью выйти замуж. Парень был молод и согласился, после ужина он сидел на пороге дома и играл так, что в сумерках расстояние между ними становилось все ближе. Елке стало тесно, некуда повернуться.

И Свирач*** остался жить с ними.

Елке часто казалось, что она и ее мать не одни в доме. Это случалось, когда еще ребенком она в одиночестве дожидалась возвращения Милицы. Иногда тень проскальзывала за какую-нибудь стену или угол, и исчезала. А там с обыкновенным будничным выражением лица, словно ничего не случилось, стояла мать. Калина мрачно смотрела на любого, кто спрашивал ее об одиночестве, не говоря ни слова. Когда же дочь спрашивала о тени — мать отвечала: «Кто бы это мог быть?» И как бы с удивлением пожимала плечами.

Позже, уже взрослой, Елка уловила запах мужчины в хижине, когда вернулась с луга, где они с Милицей собирали траву. Она перестала думать об этом, пока Свирач жил у них, а потом снова чувствовала тот же запах, а иногда краем глаза ловила странную тень. Елка не могла узнать ни сама, ни от матери, принадлежит ли человек к этому миру или к тому, который она интуитивно ощущает. Девушка привыкла к наличию тайны, которая, как ей казалось, не касалась ее лично, и потому перестала спрашивать мать о ней.

Она думала, для того, чтобы сохранить свою тайну, мать осталась жить в хижине, в которой две с половиной комнаты. Но даже в этом ограниченном нищем пространстве ее блузка была шелковой, а юбка струящейся. Калина снабжала дочерей непонятно откуда полученными нужными товарами. Елка носила белую блузку с серебряной пряжкой, Милица — красные и яркие блузки с узким жилетом, перевязанным шелковой нитью.

Когда через три года Свирач ушел, Елка не почувствовала сожаления, но — одиночество. Матери и сестры ей было недостаточно. Нужен был кто-то, но не Свирач, который бы направлял через нее свои мысли в дальние и широкие пути. Ей нужен мужчина, который будет видеть ее всякий раз, когда захочет. Который будет рядом каждую ночь, когда она захочет прижаться к нему во сне.

** Мамапипар — человек, способный выманивать деньги.

*** Свирач — свирельщик.

Калина тайком, прислонившись к каменной стене рядом с окном, с легкой одобрительной улыбкой наблюдала, чем занимается Елка, встречая новый день: у обрыва она долго прислушивалась к шепоту земли, и сохраняла этот шепот в своих ладонях. Ветер подхватывал расстегнутую кофточку, со сжатыми кулаками тайна земли сначала проходит сквозь ветер, потом распускаются пальцы ладони по камням, нарисованным накануне вечером и сейчас, перед первым лучом солнца, расположенным по кругу. Он проливает тайну на все окружающее. А предмет, подумала Калина, должно быть, Милица незаметно принесла из деревни, потому что сестры жили в согласии и любви, помогая друг другу.

Итак, то, над чем она совершала обряд, Елка взяла и сложила за пазухой.

Все, что ей нужно сделать, это подождать.

* * *

Ступенчатая и извилистая тропа ведет ко дну пропасти. Внизу, сквозь шум реки, трудно пробиться человеческому голосу. Туда почти никто не ходит, даже в Купалу, небольшой пруд, куда женщины приносили стирать одежду, а некоторые, посмелее, купались в летние дни. Прохлада скалы и тень от нее окутывает реку в течение всего дня, за исключением Купалы, большую часть дня прогреваемой солнцем. Отсюда и название, сохранившееся с древних времен, в честь сына Сварога Купалы.

И какая бы девушка ни искупалась в Купале, то обязательно облечется силой, в том же году выйдет замуж и родит ребенка. Еще говорят, что, если двое молодых людей встретятся на Купале и посмотрят друг на друга, то они друг другу предназначены судьбой и где бы солнце их ни застало и не согрело, один непременно найдет другого.

На скале, чуть выше Купалы, торчал острый каменный выступ, а посередине его углубление в форме тела огромной птицы. Говорят, что там, у подножия каменного города, жили белые орлы, по одному раз в три года, пока крепость была жива. Каждые семьдесят лет вылуплялась из яйца двуглавая птица, которая защищала город от врагов и всю окрестность от туч и града. Люди жили мирно, собирали богатый урожай.

По мере того, как жизнь в городе затихала, орлов видели все реже, пока они не исчезли совсем. Поэтому часто можно слышать причитания народа, когда наступала беда, о том, как орлы укрывались под облаками от грехов человеческих, вили гнезда на Недоход-горе****, покрытой густыми облаками, и куда не ступала нога человека.

Во времена белых орлов из города постоянно доносилась музыка. Голубоглазые лорды, управлявшие городом, любили ее слушать, привозили музыкантов со всего мира. Здесь были рады каждому начинающему музыканту, так что дорога как бы сама вела их отовсюду, направляла к городу на скале. Мастера играли так, что белые орлы садились им на плечи.

Однажды Милица посетила Купалу, отправившись рано утром за редкой травой, рассасывающей катаракту и восстанавливающей зрение. Она остановилась на полпути, услышав из журчащей воды мелодичный звук. Удивленная, а затем и счастливая, она без сопротивления отдалась завораживающему звучанию, которое медленно обволакивало ее.

Маленькие ножки Милицы задрожали. Девушка опустила корзину в траву, сбросила тапочки, закинула руки над головой и заплясала на Купале у самого берега. Поднимаясь над травой, почти не касаясь земли, она извивалась так, словно невидимые руки направляли и поворачивали ее. Шарф упал, жилет расстегнулся, собранные травы унесло водой, а она, ничего не замечая, разгоряченные в танце ноги опустила на мгновение в воду, чтобы охладить их, и снова поплыла по берегу, как если бы ее нес вольный ветер.

**** Недоход-гора - отсутствие дохода гор, плод вымысла автора.

Милица танцевала и раньше, особенно когда Свирач жил у них дома. Они с Елкой до невозможности веселились под мелодии, которые он играл. Но сейчас совсем другое. Музыка, которая несла ее, была полна жизни, но не веселой, а с болью и тоской, которые пульсировали в ногах девушки, не желающей останавливаться. Она знала эту мелодию, узнавала шаги, следовавшие друг за другом в страстном танце, как будто когда-то уже танцевала с теми же движениями под эту же музыку.

Когда мелодия смолкла, было поздно оглядываться и чего-то искать. Быть может, Милица успела бы увидеть на другом берегу реки молодого человека с флейтой странной формы в руках, который издали играл ее ногами скорее даже не доносящейся из музыкального инструмента музыкой, а своими голубыми улыбающимися глазами. Когда он уходил, над его головой низко завис белый орел, внимательно следя за юношей.

Девушка пришла домой без травы и без корзины, растрепанной, уставшей телом и с затуманенным взглядом.

Калина волновалась. А Милица задумчиво сидела на пороге, будто кого-то ожидая, но не шевелилась. Мать занесла ее в избу и уложила на кровать. Девушка спала до полудня следующего дня. Когда проснулась, то оказалась такой же милой и улыбчивой, как будто ничего не помнила о прошедшем дне.

* * *

Легкими бесшумным шагом Милица по уговорам сестры украла из дома в деревне шапку и принесла ей. Елка носила мужскую шапку, отороченную и украшенную красной нитью, расписанную по каменному кругу, за пазухой. Она ждала день за днём, прежде чем во второе воскресенье за шапкой пришел хозяин, тот, кого она выбрала для себя.

Каждое утро она смотрела в кастрюлю с водой, чтобы узнать, нет ли над ее головой венка, предвещающего скорое замужество. Вечером купалась в воде, принесенной от Купалы, клала в нее всякие травы, чтобы, когда он придет, оглушить его запахом своего тела, заставить остаться с ней.

Обуреваемая желанием, увлеченная собственными намерениями, Елка пропустила тот день, когда Милица играла на солнышке возле Купалы. Особый свет, льющийся с тех пор из глаз девушки, как скрытая мука и тоска, неопределенная, но сильная, были сокрыты для сестры.

На третий вечер, как она положила байалицу**** в чепец и чепчик подмышкой, она пошла в Купало за водой и нашла там сестру, сидящую на берегу, шлепающую босыми ногами по холодной воде. Румянец играл на лице Милицы, шарф, упавший с головы, развевался на воде, зацепившись за свесившуюся ветку. Девушка приветствовала сестру блаженной улыбкой, ее влажный взгляд осмотрел ущелье.

«Позволь мне помочь тебе», — просто сказала она, не отвечая на вопросы сестры.

Елка знала, что в девушку закралось беспокойство чужого взгляда. Милица молчала и улыбалась.

А на следующее утро парень пришел за шапкой, и Елка словно застыла.

2.

Когда отец выгнал беременную Калину из дома, тот, чье имя она не назвала, не знал, что она носит его ребенка. Он любил ее тайно, заботясь о том, чтобы не навлечь дурной славы, но, когда пришла его очередь, то женился на той, которую предназначали ему старейшины. Его мать выбрала невесту, а отец все организовал. Его даже не спросили.

Калина отвернулась от него, услышав, что люди пошли сватать другую девушку. А парня мучила тоска по ней, но поскольку Калина отвергла его, женился на женщине, которую ему сосватали, принял то, что ему навязали.

**** Баялица – заклинание, оберег.

Когда ее выгнали из деревни, Калина отправилась к развалинам одна. Зная, что то, что на ней было одето, не могло принадлежать ни кому, кроме него, парень последовал за ней. Он сказал своей семье, что собирается в другую деревню продавать скот. Поэтому мог оставаться в развалинах несколько дней, никто его не искал. Даже если бы он стал туда ходить, никто бы не увидел из-за руин и не заметил, когда он приходит и уходит.

Сначала Калина попыталась прогнать непрошенного гостя, но сделала это неохотно, вяло. Если бы она была настойчивей, то пришлось бы разоблачить парня перед деревней, а это не входило в ее намерения.

Ни тогда, ни позже он не был уверен, был ли это сон или действительно услышал шепот, который привлек его к ней, а ее призвал сделать то же самое в то время, как он возводил камни поверх уже полуразрушенной стены, устраивая убежище. Перед рассветом тьма, теплая, как существо из плоти и крови, окутала их двоих до такой степени, что им некуда было идти, кроме как друг к другу.

Всю ночь он таскал тяжелые камни, а на рассвете уснул у нее на руках.

Перед под последним поднятым им камнем открылась шахта. Земля расступилась, и камни упали. Что-то живое, большое, крылатое и белое, до этого замурованное внутри шахты, вырвалось из-под земли и пролетело мимо них во тьму. Они отпрянули в сторону, подумав о нечистой силе, а Калина, стоя поодаль, уверяла, что видела на освободившейся птице две головы.

Гораздо менее испуганно, они смотрели потом средь бела дня на падающее на них из-за облаков двуглавое солнце.

Парень не переставал приходить к Калине. В первый же год женщина, которую ему привели, родила сына. Он не нуждался в ней, и она, кроткая и покорная, не беспокоила его, поэтому он прожил жизнь так, что никто со стороны ничего не заметил.

Кроме Елки и рожденного в браке сына, детей у него больше не было. Он хотел сына и от Калины, но та знала тайны трав и воды, и потому больше никогда не влюблялась. Она невидимо вплела в его собаку траву, так что прошли годы, и никто не заметил, что он к ней ходит.

Сразу же, в начале своего изгнания, Калина поставила условие, чтобы он никогда не приближался к будущему ребенку, если надумает прийти к ней. Это была ее единственная месть. Он на все согласился, убежденный, что со временем женщина смягчится, но с течением времени ее слово становилось все тверже. При одном упоминании имени Елки Калина замолкала, а он боялся, чтобы своим безрассудством не загородить путь к ней, и потому отступал.

Молодая мать изменилась, ожесточилась, привыкла к одиночеству, которое мучило, но и освобождало от многого, поэтому ей казалось, что она никогда не вернется в деревню, даже если станут умолять. Что бы отец Елки ни предлагал для устройства их совместной жизни, она от всего отказывалась.

Сын был похож на отца и внешне и ростом, но при этом оказался совершенно другим по характеру. Те же большие, сильные ладони, только пальцы длиннее, тоньше, привыкшие с детства к игре. Те же плечи, широкие, тяжелые, но шея тонкая и голова на ней гордо запрокинута, как у лебедя. Под темными волосами и широким лбом голубые глаза всегда улыбаются, а потому взгляд не такой острый, как у отца. Его звали Милан.

Милан предпочитал праздность работе, повсюду было слышно, как он пел и свистел. С тех пор, как Елка взяла в мужья музыканта, который тщетно уговаривал играть на свирели девчонок и мальчишек из деревни, Милан обратил внимание на музыку. Он сделал себе флейту. Целыми днями гулял он по лесу в поисках нужного ствола, так что форма и звук

его флейты отличались от звука свирели, как и от любой другой, которую слышали и видели в деревне до того.

Поскольку он был единственным и добродушным ребенком, мать заботилась о нем, поэтому сын проводил время как хотел. Он сделал флейту из найденного в лесу дерева, которое щелкало, как орел. Когда Милан проходил мимо, дерево расправляло свои ветви, как крылья, которые до этого лежали сложенными.

Он выходил за деревню и играл, пока откуда-то не прилетал белый орел и не начинал кружить над ним. Тогда Милан понимал, что рядом есть кто-то, кому не нужно слышать его игру, и, оставив флейту, шел помогать отцу в его работе.

Он видел орла с тех пор, как начал бродить один по лесам и полям. Его никогда не пугала двуглавая тень, поэтому по указанию внутренне-го голоса, он никому не рассказывал о своей дружбе с необычной птицей. Однажды, когда Милан вошел в скалистую местность недалеко от пещеры, птица бросилась к нему так внезапно, что он от удивления поднял голову. Чуть не смахнув его крыльями со скалы, орел взмыл со змеей в когтях в высоту.

У него и раньше было предчувствие, но с тех пор он уверовал, что орел наблюдает за ним, поэтому играл до тех пор, пока птица не укажет своим прилетом на какую-то неприятность или на нежелательное присутствие постороннего человека.

Его манили девушки, прельщали их улыбающиеся глаза и губы, говорящие о любви. Он с удовольствием наблюдал за ними, но, пока Милица не появилась в Купале, он ни разу не дрожал от мальчишеского желания.

Ее ноги были цвета сердцевины дерева, из которого он сделал флейту. Он наблюдал, как её движения гармонично вписывались в его музыку, словно становясь с ней единым целым, убеждался, что смотрит на фею, лесное существо с распущенными волосами. Под его взглядом пряжка на ее жилете ломалась, и рубашка ослабевала вокруг ее тела.

Он знал, что ослепленная солнцем и оглушенная музыкой девушка не сможет его увидеть. Играл он на одном дыхании, боясь сделать паузу, а тем более остановиться.

Первый раз было грустно из-за появления орла, ознаменовавшего конец мелодии. Он уходил, и что-то от него оставалось там, за рекой, в той русалке или девушке, которая танцевала босиком на берегу.

* * *

За шапкой пришел человек, призванный заклинаниями. Не зная, что ищет, он стоял перед Елкой, подняв голову, но опустив глаза, сжатые в кулаки ладони засунуты глубоко в карманы. Попутный ветер дул в спину и ноги сами привели его в чужую хижину.

Ему хотелось что-то спросить у хозяйки, но вместо этого он шел за ней, как на привязи, а Елка пятилась назад, пока не привела в тот круг камней, который был устроен ночью. Она запустила руку под мышку, вынула шапку и надела ему на голову. Мужчина протянул руку. Она победоносно улыбнулась, повела его в дом. Калина, узнав его, словно пораженная молнией, обмотала лицо платком и, скрывая свои чувства, принесла ему соль и хлеб.

Дверь за ним закрылась.

На рассвете Милица пошла собирать травы. Когда взошло солнце, она была на дороге, ведущей к руинам. Девушка спешила, ей было холодно от беспокойства, о причине которого еще не догадывалась.

Она не удивилась, увидев в доме мужчину, потому что знала о намерениях Елки, к тому же сама украла его шапку из окна и принесла сестре. Он казался неуверенным и растерянным, и девушка, чувствуя себя перед ним виноватой, легко нашла предлог, чтобы выйти из комнаты.

Милица направилась в Купалу. Не отойдя далеко, услышала знакомую мелодию, доносившуюся со стороны дома. Тревога еще больше одолела ее, ноги быстро понесли обратно. У окна их хижины стоял и играл Милан, музыка падала со скалы, как ей казалось, до самого дна пропасти. Если бы она могла, то обогнала бы свои быстрые ноги. Милица бежала испуганная. Видение в окне слилось с ощущением у воды, которое она несколько дней приписывала сну. Милица побежала к Купале.

Милан остался с Елкой в комнате.

Пока не был нарушен запрет на камни и не выпущен из него ветер, поднимающий волны, пока выкрашенная и пропитанная женским ароматом шапка не была сброшена в воду, Милан находился во власти молодой травницы.

Деревня «вспыхнула», как сухое дерево, когда стало известно, что парень ушел жить в руины. Изумление и негодование, направленное женщинами на жителей руин, грозило снести избу и изгнать Калину и дочерей из деревенского поместья. Но отец Милана заступился. Как парень решил, так пусть и будет. Он не хотел принуждать сына возвращаться домой, верил, Калина знает, что делать.

Кроме того, отец надеялся, что беда может обернуться чем-то хорошим. Если ему откроется путь в дом Калины, то не станет ли он ближе к дочери, которая всегда была в пределах его досягаемости, но не доступна.

Через два дня прошла первая волна деревенского негодования. Калина шла по улице, как ни в чем не бывало, спокойно, с высоко поднятой головой и едва заметной насмешливой улыбкой в уголках глаз. Она знала способы, которые могли сделать человека более могущественным, но и бессильным, знала секреты трав, воды, камней. Каждую ночь она усыпляла Елку и Милана тяжелым сном: на их глазах металл, на руках и ногах груз свинца. Так что они спали как брат и сестра, а утром ничего не помнили. Мать знала, что Елка, опытная в этом ремесле, вскоре что-то заподозрит, но к тому времени либо заклинание, удерживающее парня, будет снято, либо Калина сама расскажет им правду. Как бы то ни было, первородный грех спасет их.

Милан больше не играл, стал неразговорчивым. Он побледнел и однажды упал в обморок перед женщинами, которые в свою очередь старались во всем ему угодить. Кроме Милицы. Та держалась в стороне и сама с каждым днем худела.

Поскольку Милан остановился в хижине, то над развалинами каждый день пролетала белая птица, отбрасывая странную тень.

Елка — дочь чрева Калины, ее крови и плоти, Милица — избранница и дитя сердца. О своем происхождении она никогда не говорила, чтобы не вызывать у молодой девушки подозрение, не отворять деревенские уста: все равно о ней и ее дочерях сочиняют разные истории.

Калина, ушедшая далеко в поисках трав и загадочных камней, встретила таборных цыган, которых и раньше изредка видела, и на следующий день купила у них дитя, отдав за ребенка все, что было у нее в сундуке: шуршащий шелк и позолоченное шитье.

Старая цыганка, втайне от остальных и отводя взгляд, попросила Калину взять ничейное дитя, которое привезли с собой из Венгрии в прошлом году. Девочка ослабела и заболела от постоянных скитаний. Цыганка попросила побыть с ней некоторое время, пока дите не поправится и не окрепнет.

Когда Калина вела Милицу к руинам, ребенок, казалось, шел сам по себе. Калина с изумлением наблюдала, как девочка восприняла не только хижину, но внутренность комнаты, ее планировку с находящимися в ней вещами, которыми, согласно ее описанию, уже никто не пользуется.

С тех пор, с того первого дня, Калина не сомневалась, что девушка находится в трудно объяснимой связи с руинами, каждый камень которых ей, кажется, знаком.

Все знали, что последняя хозяйка города, та, что не могла родить, но с любовью и тайным знанием обнимала мужа так, что он не смог ее прогнать, была привезена из Венгрии, как и жена первого лорда, построившего и укрепившего город. Она никогда не купалась в Купале, не горела желанием рожать. У последней хозяйки города были волшебные ноги, поэтому она могла своей игрой останавливать не только дыхание людей, но и время.

Увидев, что девочка пришла в себя и с изяществом прижалась к ее коленям, Калина назвала ее Милевой, которое Елка позже изменила на Милицу. На следующий день она заплатила цыганам выкуп за ребенка и оставила его при себе.

Когда Милица впервые танцевала под песню, напеваемую самой себе, то окодовала Калину, и та вымыла ее ножки ароматной травой. С того времени, пока девочка не подросла, она заворачивала ее ножки в ткань ручной работы, чтобы их гибкость и красота не исчезли, поврежденные грубой обувью.

С тех пор, как Калина привела Милицу, она не отделяла ее от дочери и следила за каждым шагом с материнской заботой и любовью. Ей стало ясно, что происходит с девушкой, а потому боялась, как бы сестры не поссорились, ведь Елка стала смотреть на Милана гораздо пристальнее, чем раньше на своего Свирача.

Если бы она сказала правду дочерям, то все бы решила, но и поправа свой обет и клятву. Калине казалось, что упрямство, которое держало ее с высоко поднятой головой даже тогда, когда ей было труднее всего, исчезнет в ней, а вместе с тем и она сама.

Однажды вечером, придя с поля, мать встретила беспокойный взгляд Милицы, который запал ей в душу, как грех. Калина решила освободить парня, позволить поступать так, как подсказывают ему сердце.

В полночь, при луне, она подошла к камням, которые словно срослись с землей. Ей нужно было больше знаний, чем силы, чтобы перекатить камни во все четыре стороны света. Ветер пронесся над нарушенным запретом, закрутив облако, которое подкатилось к скале и свернулось в дупле, словно гнездо.

На следующее утро Милан проснулся с ясными глазами, словно ночной ветер сдул туман с его глаз. Он сел на камень не законченной стены, посмотрел на восток. Ему показалось, на утреннем небе он увидел серебряное отражение поверхности Купалы. Из каменного гнезда поднялось крылатое привидение, нацеливаясь на него. Привидение прикрыло Милана, и он не успел поднять голову, когда шапка слетела с его головы и была унесена когтями орла. Пролетая над пропастью, орел с щелчком уронил шапку прямо в воду Купалы. Словно гору сняли с головы, повязку с глаз. Милан огляделся, ему стало понятно, где он, куда идти, что делать. Он направился в сторону Купалы, но не для того, чтобы искать шапку. Как в старинных историях освещенная и направляемая солнечными лучами искала его Милица.

Чуть позже полуденное солнце смотрело на двух молодых людей. Она сидела и охлаждала босые ноги в воде. Он лежал рядом с ее ногами. Опустив руки в воду, накрыл крохотные ножки ладонями и вынес их на сушу. Он припадал губами к каплям воды на розовой коже, и девушка отражалась в улыбке его глаз, которые были синее и ярче Купалы.

На следующий день Милан проснулся в деревне, в своей постели с Милицей в объятьях.

Деревня приветствовала его возвращение, несколько дней люди приходили в их дом, чтобы поздравить отца и тещу. Пусть из развалин,

пусть из дома знахарки, лучше ей прийти к нему, чем ему уйти, закрыть родительский дом и потушить очаг. Хоть глава и был крещеный, но не такой, как остальные.

Милан снова играл.

Когда Милица шла к развалинам навестить мать или по привычке искать лекарственные травы, он следовал за ней незаметно. Спрятавшись за деревом, он играл ту же мелодию, что и в первый раз на Купале. Тогда Милица оглядывалась, но не для того, чтобы увидеть мужа, а чтобы убедиться, что никто ее не видит. Потом сбрасывала тапочки, снимала шарф, вскидывала руки над головой и начинала танцевать.

Домой они возвращались в обратном порядке: первым Милан, за ним Милица. Придя, вели себя так, будто в лесу ничего не произошло. Никто из них не упоминал об игре. Молодые смотрели друг на друга с такой любовью, что комната наполнялась светом. Елка некоторое время горевала, одновременно прощая мать за то, что та держала ее в неведении и чуть не довела до греха. Если бы она знала, то не наложила заклятие на жениха своей сестры и сводного брата. Калина открыла ей тайну своего происхождения. Она попросила дочь держаться подальше от отца и не давать ему знать, что их связывает. Во всяком случае, в деревне так и не узнали, с кем она жила в грехе и кто отец девушки.

Милица же сосредоточила свой взгляд на стенах старого города.

«Не позволяй руинам пропадать зря, я знаю, что там есть что-то твое», — сказала она.

Снова пришел Свирач, с той же лукавой, озорной улыбкой, в кривой шляпе, закрывающей меньшее ухо. Однажды утром, следуя по узкой тропинке друг за другом, они с Елкой пошли по нити своей общей судьбы. В деревне, словно только этого и ожидая, стали говорить, что Елку ведет ее некрещеная душа, которая не может найти покоя, ей трудно будет где-либо остановиться, пока не пройдет священный обряд крещения. Они не знали — Елка ушла, чтобы противостоять зову крови, тянувшему ее к отцу. Она не могла после стольких лет, в течение которых Калина питала свои силы злобой и называла страдания победой, сломить мать и склонить ее гордую голову.

Так покинул крепость последний Свирач из многих, кто когда-то в ней останавливался. Покинул и белый орел.

Девушки разошлись, Калина осталась одна. Отец Елки тайно приходил к ней, по-прежнему привозя шелк и бархат. Теперь он отказался бы от всего, чтобы остаться с ней в хижине, если бы Калина только согласилась, дабы утолить голод души, который он чувствовал все годы их разлуки.

Калина думала иначе.

Волосы, некогда золотистые, еще по-девичьи длинные и пышные, выбеленные солнцем и ветром, а не годами, она обернула вокруг левой руки, пока не коснулась запястьем шеи. Калина подстригла себе волосы правой рукой, взяла их свернутыми и оставила в лощине на скале, которую называют орлиным гнездом. Не успела уйти далеко, как над ней пролетел крылатый двуглавый призрак со свитком в когтях. Орлу, укрывшему однажды ночью мать с новорожденным и спасшему их от зла, она отдала в дар свои волосы, чтобы в них вылупилась птица, которая и дальше будет охранять потомство владыки старого двора.

Затем вернулась в дом своих родителей и плотно закрыла дверь, оставив прошлое позади.

С тех пор как хижина осталась пустой, а развалины вновь оказались заброшенными, над ними больше не пролетал орел.

Лишь однажды он внезапно появился. Через несколько месяцев после отъезда последних жильцов было принято решение объявить руины средневекового города культурно-историческим памятником, находящимся под охраной государства. В день, когда начались работы по вос-

становлению крепостных башен и стен, над строениями зависла тень птицы, пролетевшей так низко, что те позже клялись: видели на ней своими глазами две головы. Птица трижды облетела город, с торжествующим клекотом поднялась высоко в небо и скрылась за облаками.

Жители села с тревогой гадали, не выманила ли Калина орла из Недоход-горы своим приездом в старый город. Если это так, то в ее жилах течет благородная кровь господина города, поэтому в деревне останется проклятие, что все отреклось от нее, когда отец ее изгнал, а дочери возненавидели ее после. Достаточно того, что давние гонения с несчастьем нависли над местностью и сделали каменный город пустынным, реализовав тем самым проклятие, витавшее вокруг здания с момента его постройки.

Если бы в первую ночь, когда Калина пришла на развалины, они услышали мелодию из той самой свирели, которую Милан сделал себе, а ночь шептала вокруг двух молодых людей, они могли бы догадаться, что отец Милана и он сам, были потомками внебрачного ребенка, с которым дочь старого слуги однажды ночью сбежала со двора в чужие края, а он позже, уже повзрослев, вернулся и основал деревню.

Непризнанный сын, последний потомок старых мастеров, на руках матери и их служанки навсегда покинул город. Она пряталась с ним в пещере три ночи, без еды и без воды, только собирала влагу со стен пещеры, а на третий день преследователи подошли с опасной близостью. Она сжимала крошечное тельце, которое каждый час предавало ее тяжестью, и на четвертую ночь, как только тьма взяла верх, покинула убежище и продолжила побег.

Город, который никому не удалось завоевать, вскоре пришел в запустение. Старый мастер умер, не оставив наследника, народ разбежался повсюду, расхищая его сокровища. Белые орлы исчезли и вся округа впала в нищету, от которой немного оправилась с возвращением изгнанного сына и основанием села Преконоге, но так и не достигла того процветания, которое царило в эпоху Белых орлов.

Прошли столетия, пока среди руин не появилась женщина, смешавшая свою кровь с его потомством, сама грешная и сосланная. И тогда пришел он, отец Милана, голубоглазый потомок повелителя башни, и начал своими руками строить и восстанавливать крепость.

Потом снова появился белый орел, выходя из Недоход-горы или из недр каменного здания. Он гордо облетал местность до тех пор, пока потомки первых строителей не отступили от скалы, а другие люди занялись восстановлением старых стен, когда Милан, поддержанный отцом и некоторыми уважаемыми людьми, и прежде всего его женой, стал бороться за привилегированный статус и реконструкцию здания на скале.

Долгое время деревня Преконога оплакивала орла-покровителя, который вновь укрылся в далекой горе и оставил их на произвол человеческой несправедливости и воли небесных сил.

Говорят, он улетел на Недоход. Пройдет семьдесят лет, пока он не появится снова. Этого не произойдет, если только в крепости не обитает потомок лорда, который ее первым построил. Затем он построит фонтан в месте под названием Девочкин скок^{*****}, где даже во время самой сильной засухи тонкая струйка воды будет течь, как слеза, по каменному бассейну. Он покинет деревню, чтобы ни одна женщина больше никогда не была изгнана и подвергнута оскорблению и унижению за свой грех: ни она сама, ни плод ее чрева.

И вся область, над которой летает и наблюдает белый орел, поднимется со всяким добром и процветанием.

Перевод с сербского Валерия Сдобнякова

***** Девочкин скок – девичий прыжок, скачок.